ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

КАК СТАНОВЯТСЯ ИСТОРИКАМИ ФИЛОСОФИИ ВО ФРАНЦИИ

А. М. Руткевич

Трудно объяснить, почему вообще наделенные здравым смыслом люди становятся историками философии. Еще менее поддается объяснению то, что один всю свою жизнь посвящает периодизации трудов Аристотеля, другой заново прочитывает Канта, третий штудирует Хайдеггера. Субъективные мотивы, предпочтения, все «почему» остаются за пределами данной заметки. В ней речь пойдет не о том, каковы французские историки философии, а о том, как они ими становятся. Причем речь пойдет только о внешних условиях, которые доступны наблюдению, т. е. о месте истории философии в философском образовании. Однако эти условия оказывают определенное влияние и на качество историко-философских исследований, и на количество книг, статей, диссертаций по истории философии, и на уровень историко-философской подготовки французских философов. Иначе говоря, вопрос приобретает следующий вид: как во Франции обучают(ся) истории философии? Но перед тем, как отвечать на него, не удержусь от нескольких замечаний.

Сразу стоит сказать, что во Франции публикуется много хороших книг и добротных исследований, переводятся и комментируются труды древних и современных философов. Но удивление вызывает другое: рецензии на исследования по античной философии печатаются в газетах, о Ницше, Фрейде или Хайдеггере говорят с телеэкрана (программы «Апострофы», «Право на ответ»), радиопередачи посвящаются конференциям и симпозиумам философов (радиостанция «Франс-Культюр»). Нынешние президент и премьер-министр в своих речах тревожат тени Руссо и Декарта, Паскаля и Камю. Словом, история философии проникает в романы и политические дебаты, споры о религии и искусстве. Приехавшему во Францию американскому проповеднику Билли Грэму пришлось основательно «потренироваться», чтобы выглядеть «comme il faut»: в свои проповеди он включил цитаты из Монтеня, Паскаля, Сартра, Камю — и даже Вольтера и Дидро! Проповедники и политики не зря надергивают — кстати и некстати —

цитаты из произведений философов прошлого. Во Франции каждому интеллектуалу положено быть хотя бы наслышанным о философских материях. Экзистенциализм, персонализм, структурализм становились фактами массового сознания; только во Франции какая-нибудь «новая философия» могла на протяжении нескольких лет вызывать яростные споры. Французские политики, вступая в должность, не клянутся на Библии, но поминают «святых» республиканского календаря — похороненных рядом в Пантеоне Вольтера и Руссо (которые были бы возмущены таким соседством); на ассигнациях четко пропечатаны изображения Декарта и Паскаля...

Одним словом, любому французу, получившему полное среднее образование, имена философов прошлого не только известны, ему приходилось их даже читать. Философию проходят в выпускном классе средней школы (лицея), причем проходят так основательно, что любой бакалавр (выпускник лицея) становится потенциальным читателем публикуемых философами книг. Лучше даже сказать, философской *литературы*, поскольку граница между философией и художественной литературой во Франции является достаточно зыбкой. Дело не только в традиции, примере тех же Монтеня, Паскаля, Вольтера, Бергсона, Сартра, Камю. Французские философы пишут в расчете на эту широкую аудиторию не для того, чтобы их читали только коллеги-философы. Мечта большинства французских философов — издать свою книгу в какой-нибудь массовой серии. Тогда сам автор появится на экране телевизора, его будут расспрашивать, с ним будут спорить, о книге будут говорить, ее прочитают не сотни, а тысячи и десятки тысяч. Но за это приходится платить — философское исследование приобретает черты эссе или даже романа. Это не означает, что книга будет написана просто и ясно. Сегодня французские философы часто обращаются к «технике» литературного авангарда (сюрреализма, «нового романа» и т. п.).

Правда, к истории философии это и относится в наименьшей мере. Даже те авторы, которые предельно вычурно излагают свои доктрины, пишут предельно ясные историко-философские исследования. Скажем, Ж. Делёз выпускает самостоятельно и в сотрудничестве с Ф. Гватари «шизоаналитические» тексты, но он же является одним из наиболее известных французских историков философии, его работы о Бэконе, Юме, Бергсоне, Ницше считаются «классическими».

О том, что картезианский дух и традиции Монтеня и Вольтера живы, свидетельствует хотя бы случай — анекдот в давнем значении этого слова. Профессор Э. Ведри́н, известная своими исследованиями по философии эпохи Возрождения, философии истории, современной политической мысли, читала в Сорбонне курс лекций по философии Сартра. После одной из лекций она долго беседовала с докторантом из ФРГ, писавшем о Сартре диссертацию. Разговор о «Трансцендентности Эго» был долгим, раздраженным и оставил собеседников явно недовольными друг

другом. Когда докторант вышел, а я подал на подпись очередную бумагу (бюрократическая круговерть во Франции, конечно, уступает нашей, но весьма ощутима), мадам Ведрин не могла успокоиться и четверть часа бранила докторанта. «Эти немцы,— говорила она,— они ищут не то, что нужно, не там, где нужно, и не у тех, у кого стоит искать. Сартр — писатель, журналист, политик — кто угодно, но не германский гуссерлианец. К тому же речь идет о его ранней работе, зачем искать у Сартра то, о чем он и думать-то не мог в те годы. Не было у него немецкой системы! Ни тогда, ни потом! Нужно мыслить ясно, а не устраивать немецкую бурю в стакане воды (буквально по-французски «в детской ванне»)». Словом, немецкому педантизму и системосозидательству досталось, я, получив подпись, вышел в коридор и столкнулся с докторантом, проклинавшим и Ведрин, и Сартра, и «этих французов» — с их поверхностностью, бессистемностью, анархией, литературщиной и прочими галльскими грехами.

Взаимные упреки имеют какие-то основания, но лучше, вероятно, говорить о достоинствах каждой национальной традиции.

Но вернемся к системе образования. В опубликованной 20 лет назад книге Л. Сэва «Современная французская философия» отмечалось, что эпоха «университетского спиритуализма» закончилась, произошла демократизация философского образования, которое перестало прямо служить интересам правящего класса. Конечно, и на содержании философского образования, и на подборе кадров сказывается, что система образования в целом обслуживает интересы капиталистического общества. Преподавателей-марксистов немало, но в среде университетских преподавателей преобладают все же совсем иные учения. Но и недооценивать произошедшие перемены нет никаких оснований, а тем более одним термином «буржуазная философия» покрывать все немарксистские концепции.

Целью философских отделений [1] университетов является подготовка преподавателей философии в лицеях. Уровень подготовки по гуманитарным дисциплинам в лицее вообще высок: история, философия, экономическая и политическая география, литература, иностранные языки (в том числе и древние) преподаются в большом объеме. Преподаватели лицеев получают довольно высокую зарплату (9—14 тыс. фр., т. е. в полтора-два раза выше средней), так что педагогами стремятся стать многие, отбор очень жесткий. Среди преподавателей философии нет лиц без базового образования, таковые просто не смогли бы пройти очень серьезный конкурс.

Философия рассматривается как один из наиболее важных

[1] Философские отделения (Unité d'Enseignement et du Recherche) пришли на смену философским факультетам. Отделение по количеству преподавателеї (25—30) представляет собой нечто среднее между большой кафедрой и микрофакультетом.

предметов, выпускной экзамен в лицее принимается не школьными преподавателями, а комиссиями, в которых входят университетские профессора. Лицеисты подготавливаются по общенациональной программе, хотя преподаватели сохраняют определенную свободу в выборе тем занятий. Но если, скажем, в католической школе преподаватель игнорирует Маркса, то это может сказаться на результатах экзамена — ведь его, вполне вероятно, будут принимать профессор-марксист, а в придачу преподавательница-феминистка. Лицеисты обучаются не по скучным учебникам, а по учебно-методическим пособиям и разработкам, ориентирующим учащихся на самостоятельную работу с первоисточниками.

Итак, мы подходим к первому этапу знакомства с историей философии. Лицеисты учатся по отрывкам из текстов Платона, Аристотеля, Декарта, Юма, Канта и других философов прошлого; входят в программу и современные философы (Ницше, Фрейд, Сартр и др.). С начала 60-х годов изучаются и отрывки из произведений Маркса и Энгельса. Различные философские вопросы обсуждаются в связи с анализом, скажем, «Рассуждения о методе», или «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства». Вопросы этики могут ставиться при изучении философии Аристотеля или Спинозы, обсуждении отрывков из «Критики практического разума» или «Генеалогии морали». Большое внимание уделяется развитию навыков самостоятельного мышления, но главная особенность французского обучения философии — это освоение навыков работы с текстами. Лицеист должен научиться читать и комментировать достаточно сложные философские тексты. Так как экзамены и в лицее, и в университете в основном письменные, то и лицеисты, и студенты во время обучения постоянно пишут небольшие работы, именуемые «диссертациями». На выпускном экзамене в лицее предоставляется выбор: либо прокомментировать какой-то отрывок, либо писать сочинение на заданную тему.

Естественно предположить, что на философское отделение в университет идут те, кто заинтересовался философией в лицее, а интерес пробуждается чтением древних и современных философов. Первый шаг к выбору истории философии в качестве специальности определяется тем, что уже в лицее обучение философии неразрывно связано с историей философии. Получив диплом бакалавра — первое университетское звание дается выпускнику лицея,— студентом университета становятся без вступительного экзамена. Начинающие изучать философию знают, что шансов получить работу у них немного, что для этого нужно напряженно трудиться. Так что случайно поступившие, не имеющие устойчивого интереса, ленивые и глупые довольно быстро отсеиваются. Но уходить приходится и многим способным студентам, у которых нет средств для продолжения обучения. В среднем каждый второй поступивший в университет не заканчивает его, а каждый третий выпускник не имеет работы. Среди выпускников-философов безработица еще выше. Даже историкам и филологам легче,

поскольку имеется значительно больше мест преподавателей в школе. Во Франции традиционным является перепроизводство специалистов по всем гуманитарным наукам. В одном только Тулузском университете студентов-философов более 800, социологов — 1500, психологов — около 2000, филологов — 4000. Многие выпускницы становятся «домохозяйками с дипломом», секретаршами и т. д., а выпускники оказываются мелкими коммерсантами или чиновниками, рабочими или продавцами. Нелегко стоять у прилавка после изучения Гегеля и Хайдеггера. Неудивительно, что недовольство существующей общественной системой особенно велико среди гуманитариев, они значительно более политизированы, чем студенты-естественники, инженеры, медики. Как в мае 1968, так и в декабре 1986 г. волнения начинались именно среди гуманитариев. Влияние левацких политических организаций, правда, значительно уменьшилось в сравнении с недавним прошлым, но еще чувствуется во многих университетах. В «левом» университете Париж-VIII Сен-Дени я с удивлением читал настенные воззвания против «фашистской политики ректората» (ректором является коммунист). Впрочем, политикой французские студенты стали заниматься меньше, чем в 70-е годы, конкуренция заставляет и самых политизированных, и самых ленивых сидеть с утра до ночи в библиотеке.

В дальнейшем речь пойдет в основном о философском отделении Париж-I (Пантеон-Сорбонна), где проходила моя стажировка. В других университетах программа обучения является сходной, поскольку имеется общенациональная программа, и даже в полученном дипломе лиценциата или магистра не значится, какой университет он закончил. Подготовка по философии существенно отличается от подготовки социологов, политологов, религиоведов. Обучают почти что исключительно философии, а это означает, что история философии становится ведущей дисциплиной: ведь целью является подготовка будущего преподавателя лицея, который станет читать с лицеистами Аристотеля или Канта. Кроме того, чтобы быть оригинальным мыслителем, необходимо уметь сопоставить — или противопоставить — свои воззрения и все то́, что накопила философия за две с половиной тысячи лет. Так что по всем дисциплинам, будь то метафизика, этика, политическая философия, эстетика, готовят специалистов, читая классические тексты. Любому новоявленному «системосозидателю» вменяется в обязанность знать историю философии. Ведущего «нового философа» — А. Глюксмана, пожалуй, более всего критиковали за «вольности» в интерпретации Фихте, Гегеля, Маркса, Ницше.

Таким образом, философов обучают философии. Общеобразовательная подготовка уже была получена в лицее; военная подготовка, физкультура и им подобные предметы отсутствуют. Так что срок обучения в университете 3—4 года. Специализация французской высшей школы высока, но система образования является и достаточно гибкой. Итогом первых двух лет обучения являет-

ся диплом о получении общего университетского образования (D. E. U. G.), дающий право перейти на третий курс по ряду смежных специальностей. Скажем, студент-философ может перейти на социологию или психологию, стать филологом или историком. Когда француз говорит о наличии у него двух или трех дипломов о высшем образовании, то это означает, что он получил D. E. U. G., а потом по одному-два года тратил на получение степени лиценциата (1 год) или магистра (2 года).

В первые два года студенты-философы слушают курсы по общей философии (philosophie générale), истории философии, философии искусства, логике, эпистемологии, моральной и политической философии. На первом курсе изучаются математика, биология, социология или психология (по выбору). Представляет интерес то, как организованы занятия иностранными языками: изучаются один язык современный и один — древний. Поскольку лицей дает обязательное знание двух иностранных языков, а гуманитарный лицей — и знание одного древнего, то студенты не тратят время на изучение глагольных форм, а сразу берутся за чтение классических философских текстов. Занятия ведут преподаватели-философы, а не приглашенные со стороны филологи. В Париже-I это тексты на английском, немецком, испанском; древнегреческом, латинском или арабском. В других университетах вместо арабского может быть санскрит или китайский, вместо испанского — какой-нибудь другой современный язык. Занятия иностранными языками, таким образом, ориентированы на получение историко-философской подготовки — обучают чтению, переводу, комментированию текстов.

Историко-философской подготовке в целом вообще отводится самое почетное место. При меньшей — примерно вдвое, чем у нас, почасовой нагрузке студентов по всем предметам, на историю философии отводится значительно больше времени. Тем более что факультативные курсы 3—4 годов обучения (студент по выбору посещает 2—3 курса) также имеют историко-философский характер: рассматриваются учения философов XIX—XX вв.— Ницше, Фрейда, Хайдеггера, Гуссерля, Витгенштейна и т. д. Общий курс по истории философии (от Фалеса до тех же Хайдеггера и Витгенштейна) отсутствует. Имеется достаточное количество книг, в которых история философии прослеживается с древности по наше время. Зато очень основательно уже в первые два года штудируются Платон, Аристотель, Декарт, Юм, Кант и некоторые другие «великие». Начиная со второго курса студенты могут выбирать между тремя предлагаемыми историко-философскими курсами. Так, в 1985—1986 учебном году это были курсы по Аристотелю, Юму и Ницше. Курсы по общей философии (метафизике), этике, эпистемологии, политической философии строятся исторически. Например, читавшийся в том же учебном году курс лекций по метафизике «Становление и бытие» (профессор М. Конш) ориентировал студентов на тексты от элеатов и Гераклита до Гегеля и Хайдеггера, которые разбирались на семинарских занятиях.

То же самое можно сказать о курсах по эпистемологии — «Причинность», «Что такое научная революция?», да и о большей части всех лекционных курсов.

Таким образом, первые два года дают общефилософскую подготовку, определенные знания по математике, психологии или социологии. С третьего курса начинается специализация. В сравнении с нашими вузами учебная нагрузка студентов невелика и в первые два года (15 астрономических, т. е. 20 наших академических, часов в неделю). На третий год учебная нагрузка уменьшается в полтора раза, зато увеличивается значение самостоятельной работы. Во-первых, курсы таковы, что необходимо читать большой объем дополнительной литературы, во-вторых, к концу третьего года обучения студент должен представить письменную работу, которая по объему и содержанию примерно соответствует нашей дипломной работе.

В Париже-I студенты третьего года обучения (Licence) по специализации подразделяются на три группы. В группе «А» — история философии — продолжается обязательное изучение иностранных языков (современного и древнего). По выбору прослушивается один из трех предлагаемых историко-философских курсов. В каждом из них лекции и семинарские занятия ведутся по двум темам (скажем, «Платон — Сартр», «Стоики — Кант»). Такой курс предполагает проработку всех основных произведений тех же Платона и Сартра, если был выбран этот курс, а также значительного объема дополнительной литературы. Специализирующиеся по истории философии должны прослушать два из предлагаемых 4—5 факультативных курсов. В 1985—1986 учебном году предлагались следующие: по философии Гоббса, Хайдеггера, Фрейда и курс «Методы философской рефлексии».

В группе «В» — метафизика — преобладают курсы по общей философии, эпистемологии, истории науки, политической и моральной философии. В группе «С» читаются курсы по логике, философии искусства и социологии — это, так сказать, группа «прикладной философии».

Получив диплом лиценциата, можно подать документы на национальный конкурс и стать преподавателем в лицее. Сам по себе диплом лиценциата или магистра не дает права на замещение вакантной должности. В 1986 г. на 30 мест претендовали более 600 человек. Конкурс (C. A. P. E. S.) очень серьезный, какие бы то ни было посторонние «влияния» на отбор практически невозможны. Сначала проводятся два письменных экзамена, по 6 часов каждый, затем следует устный экзамен. По результатам конкурса одни начнут работать в большом городе, другим достанется место где-нибудь в «глубинке», а подавляющее большинство работу просто не получат. Система довольно суровая, но она исключает занятие преподавательских мест не соответствующими этому виду деятельности людьми. Высокий профессиональный уровень преподавателей лицеев тем самым оберегается, а это — основная часть французских философов.

Тот, кто не прошел конкурс С. А. Р. Е. S. или не подавал на него документы, могут продолжать учебу. Четвертый год обучения (maîtrise) предполагает написание магистерской диссертации, которая по объему примерно равна нашей кандидатской, хотя научный уровень в среднем несколько ниже. За этот год студент должен прослушать по выбору несколько курсов. Предлагаются многочисленные курсы лекций по истории философии, метафизике, политической и моральной философии, истории науки, эпистемологии, социологии, эстетике. Свободного времени у студентов много, но оно тратится на работу с огромным количеством литературы. Например, курс лекций Э. Балибара по политической философии («О политическом отношении») предполагает ознакомление с произведениями Монтескье, Руссо, Бональда, Гегеля, Конта, Маркса, Дюркгейма, Леви-Стросса, Альтюссера и с обширным списком дополнительной литературы. Курс С. Кофман посвящен «Генеалогии морали», но студентам предлагается еще целый ряд работ Ницше да еще около 15 работ его интерпретаторов. Если студент прочитывает хотя бы половину, то свободного времени у него остается не так уж много. Естественно, студенты выбирают те курсы, которые в наибольшей мере помогают им при написании магистерской диссертации. С первых лет обучения студенты знакомы с универсальным требованием: первоисточники должны быть прочитаны, нужно уметь комментировать самые сложные места. Почти все экзамены проводятся письменно, так что нужно уметь писать ясно, убедительно, аргументированно.

Приведу несколько примеров по вопросам, которые задаются на экзаменах. Экзамен по истории философии после третьего года обучения длится два дня. В группе, слушавшей курс «Платон — Сартр», в первый день предлагалось либо прокомментировать отрывок из «Государства», либо писать сочинение на тему «Политик и софист». На другой день был предложен для комментария отрывок из «Бытия и ничто» и тема «Трансцендентность и фактичность у Сартра». На экзамене по метафизике предлагалось ответить на три вопроса: 1) Поисками какой истины заняты философы? 2) То, что реально для обычного человека, реально ли это для философа? 3) Философ в мире. Ясно, что удовлетворительный ответ на такие вопросы предполагает достаточно высокую культуру философского мышления, умение самостоятельно рассуждать и знание целого ряда философских учений. На экзамене по эпистемологии на выбор предлагались комментарий к тексту Фейерабенда и тема: «Сводится ли задача науки только к объяснению?». Во время письменных экзаменов преподаватели следят, чтобы не было никакого списывания; зато устные экзамены проводятся так, что студент может готовиться к ответу в библиотеке. Вопросы являются общими, требующими обширных познаний. Скажем, в Лионе я был свидетелем экзамена, на котором студентка отвечала на вопрос: «Репрезентация в истории философии» — и основательно потрудилась, сводя эту проблему к соотношению означающего и означаемого — у стоиков, христианских неоплатоников,

в «классической эпистеме» и у Канта. Принимавший экзамен профессор был доволен ответом, а мне стало ясно, что идеи структурализма глубоко проникли и в историю философии.

Вернемся к тем студентам, которые защитили магистерскую диссертацию. Получив степень магистра, они вновь могут подать документы на конкурс С. А. Р. Е. S., но теперь у них появляется право участвовать в конкурсе более высокого ранга — агрегации (Agregation). Пройдя по этому конкурсу, т. е. сделавшись агреже (agrégé), можно стать преподавателем в лицее (однако со значительно большим окладом, чем у прошедшего С. А. Р. Е. S.), но появляется и право занять место преподавателя в университете. Материальные и моральные стимулы велики — в 1986 г. на 12 мест агреже по философии в конкурсе принимали участие более 300 человек. Лишь в исключительных случаях его может пройти тот, кто только что стал магистром. В крупнейших университетах на протяжении года работают подготовительные курсы. Ведутся занятия по древним и новым языкам, метафизике, истории философии, методологии философских исследований. Конкурс предполагает написание трех письменных работ (6 часов на каждую, три дня подряд), устные экзамены по иностранным языкам. Ориентировочная тематика письменных работ известна за год, конкурс является общенациональным. В 1987 г., например, письменная работа по истории философии содержит вопросы по философии Платона, Гегеля и Мальбранша. Соответственно в ряде университетов читаются курсы лекций — в Париже-I по два курса о Платоне и Гегеле, один курс о Мальбранше. Тема по метафизике была сформулирована следующим образом: «Образ, воображение, воображаемое». По этой теме читается несколько курсов лекций, как и по третьей «диссертации», связанной с методологией философского исследования, методикой истолкования философских текстов, «методами философской рефлексии». Подготовка по древним и новоевропейским языкам ведется преподавателями философского факультета, ведущими занятия по наиболее сложным текстам таких авторов, как Платон, Аристотель, Августин, Спиноза (древнегреческий и латынь), Юм и Рассел (английский), Кант и Гуссерль (немецкий).

Уже по этому перечислению видно, что агрегация является очень серьезным конкурсом. Подавляющее большинство французских преподавателей в университетах являются агреже. При всех недостатках конкурсной системы она способствует поддержанию профессионального уровня высших педагогических кадров. Агрегация ориентирована именно на подготовку преподавателей. Во Франции отсутствует развитая система академических научно-исследовательских институтов. Научные исследования, в том числе и по философии, ведутся прежде всего преподавателями университетов. Количество сотрудников в «Национальном центре научных исследований» (С. N. R. S.) сравнительно невелико, а философов среди них совсем мало, несколько десятков. Тот, кто не собирается становиться преподавателем, может после

получения степени магистра начать работу над докторской диссертацией. Для этого он на протяжении года слушает ряд курсов и получает диплом «об углубленных знаниях» (Diplome des Etudes Approfondies — D. E. A.) — для этого, помимо экзаменов по этим курсам, он должен написать большую работу (около 100 с.), которая не должна быть даже сильно видоизмененным текстом его магистерской диссертации. Получив этот диплом, можно начинать работу над докторской диссертацией, которая по объему значительно больше нашей кандидатской — 250—300 с.— и в среднем выше по содержанию. Получение докторской степени не оказывает прямого влияния на получение работы, продвижение или зарплату, но косвенное влияние все же имеется. Скажем, доктора предпочтут неостепененному при приеме на работу в университет, так что к агрегации и опыту работы в лицее, имеющимся научным публикациям желательно приложить диплом доктора наук. Профессорами становятся, как правило, обладатели докторской степени. Ранее, чтобы стать профессором, нужно было писать огромную по объему диссертацию на степень «государственного доктора» (docteur d'Etat) объемом в 800—1000 с. По значимости она соответствовала нашей докторской, но по объему превосходила ее вдвое. Не так давно, к огромному облегчению для преподавателей, эта диссертация стала необязательной, и при получении должности профессора смотрят на значимость опубликованных работ.

У преподавателей университетов много времени на научную работу. Педагогическая нагрузка невелика: в год 150 часов — у ассистента, 100 часов — у профессора. Учебный год длится около 20 недель, с конца октября по середину мая с многочисленными каникулами. Экзаменационная сессия проходит один раз в год, в июне. В сентябре организуются экзамены для тех, кто не смог сдать экзамен во время сессии. Очень мало времени тратится на заседания. Как правило, преподаватели собираются для решения административно-организационных вопросов 2—3 раза в год. Решения принимаются большинством голосов, на два года избирается заведующий отделением, но прав у него немного, реальная власть по кадровым вопросам принадлежит ректорату, контролируемому Советом университета, в который входят профессора, преподаватели и студенты. Политические перемены сказываются на внутриуниверситетской жизни: правые правительства проводили реформы, увеличивающие представительство профессуры в Советах; при социалистах несколько увеличивался процент студентов и «неостепененных» преподавателей. Социалисты немного увеличили и почасовую нагрузку преподавателей, зато годичный отпуск для научной работы они стали получать один раз в пять лет (ранее — раз в шесть лет).

Особое место в системе высшего образования занимают Высшие школы. Подготовка высших педагогических кадров, в том числе и по философии, осуществляется в Эколь Нормаль. Прием во все высшие школы производится на основе конкурса аттестатов.

В Эколь Нормаль поступают, таким образом, лучшие выпускники гуманитарных лицеев. Первые два года обучение идет в двух подготовительных классах, называемых со времен Наполеона hypocagne и cagne. Занятия в этих классах значительно более напряженные, чем в университете. Идет подготовка к конкурсным экзаменам по философии, истории, французскому языку и литературе, иностранным языкам. Во время конкурсного экзамена напряжение столь велико, что рядом с классами дежурит машина скорой помощи. Лишь один из десяти будет принят в Эколь Нормаль после подготовительных классов, зато он будет получать на протяжении трех лет огромную стипендию (ныне около 6 тыс. фр.), да и шансы получить престижную, высокооплачиваемую работу у него будут высоки. Те, что не прошли конкурс, переходят в университет, где два подготовительных класса засчитываются им за три года учебы в университете. В целом подготовка в Эколь Нормаль, действительно, выше, чем в университете. Здесь формируется интеллектуальная элита, прошедшая «сквозь огонь и воду» сложных конкурсов. Многие известные французские философы — от Сартра и Фуко до нынешних «новых философов» — являются выпускниками Эколь Нормаль. В недавнем прошлом и в этой кузнице «кадров» влияние марксизма было значительным, имелась большая ячейка ФКП (во многом благодаря преподававшему в cagne Альтюссеру). Сегодня, если верить «Фигаро», среди преподавателей и студентов нет ни одного коммуниста.

Другим полюсом является вышеупомянутый «красный университет» в Сен-Дени, ранее находившийся в Венсенне, но изгнанный оттуда правыми партиями, имеющими большинство в мэрии. Это единственный университет, где вообще не требуют диплома о среднем образовании — принимаются все желающие, много экспериментаторства в учебном процессе, демократия переходит в анархию. Выпускники-философы могут принимать участие во всех конкурсах, но подготовка у них все же не самая лучшая, хотя целый ряд крупных французских философов работают в Париж-VIII. Например, Ж. Делёз или недавно умерший Ф. Шатле — один из крупнейших французских историков философии.

Но, где бы ни учился философии французский студент — в элитарной Эколь Нормаль или в «красном университете»,— требования к нему в целом одни и те же. Как уже было сказано, философское образование ориентировано на подготовку преподавателей лицеев и университетов, а тем самым и на воспроизводство системы образования. А вместе с тем и на воспроизводство определенного типа философствования. Под философией понимается специфическая форма рефлексии, спекулятивного рассмотрения наиболее общих вопросов бытия, познания, этики, политической жизни. «Модные» философские учения, вроде экзистенциализма или структурализма, рождались за пределами университетской философии и проникали в аудитории с запозданием, сделавшись частью истории философии. То же самое можно ска-

зать об «университетском марксизме». Многие преподаватели философии дают в своих курсах сравнительно объективное изложение марксизма, но он превращается у них в совокупность текстов, которые необходимо проинтерпретировать. В программу входит лишь то, что стало текстом, что прошло проверку историей,— в этом достоинство существующей системы образования. Но эта же система способствует тому, что университетская философия живет как бы в «замке из слоновой кости». Современные проблемы и события доходят до философов, превратившись в тексты.

Это не значит, что преподаватели философии не пишут книг и статей по современным проблемам, не участвуют в политической борьбе. Напротив, пишут не только трактаты, но и статьи в газеты и журналы, устраивают демонстрации и митинги. Можно даже сказать, что в 60—70-е годы философия была настолько политизирована, что ведущие французские философы больше занимались политикой, нежели философией. Но, входя в университетскую аудиторию, даже самые увлеченные политикой профессора читают академические курсы лекций. Студенты должны освоить не то, что сегодня думает профессор (завтра его точка зрения может измениться), а традицию, уже имеющееся, наличное знание. В качестве наиболее авторитетной традиции выступает восходящая к Декарту и Канту философия, нашедшая свое завершение в феноменологии Гуссерля, экзистенциализме Сартра и Мерло-Понти. Неудивительно поэтому, что история философии и метафизика являются основными курсами на протяжении первых трех лет обучения. Преподаватель лицея и университета должен будет вести занятия по текстам философов давнего и недавнего прошлого, ему не обойтись без истории философии и метафизики. Понятно, почему среди университетских философов столь велика популярность таких учений, как феноменология, подчеркивающая отличие философской рефлексии от научного знания; или герменевтика, берущая за основную познавательную процедуру истолкование текста, превращающая весь мир в своего рода книгу, нуждающуюся в умелом истолкователе-философе. В последние два десятилетия структурализм, марксизм, психоанализ, англоязычная лингвистическая философия стали проникать и в университет, подрывая суверенность cogito, но традиции университетского идеализма по-прежнему сильны. Соответственно и в истории философии предпочтение отдается философам-идеалистам.

Такого рода философское образование, конечно, способствует сохранению оторванных от жизни, архаичных метафизических систем. Яростные обличения недавнего прошлого — вплоть до заявлений о «смерти человека» — связаны с тем, что структуралисты, фрейдисты, ницшеанцы «эры подозрения» (заглавие давнего эссе Натали Саррот) воевали с университетской философией, упорно отстаивающей ego cogito, остающееся для нее «вне всяких подозрений». Но если структурализм возвещал «конец философии», на смену которой идут социальные науки, то университет-

ская философия постепенно превращает труды всех ниспровергателей в часть истории философии.

Несомненны, однако, и достоинства преподавания философии во Франции. Выйдя из стен университета, можно заниматься любыми современными проблемами, но в студенческие годы необходимо получить серьезное образование, культуру философского мышления. Помимо занятий историей философии, сделать это невозможно. Можно сказать, что в период обучения философии французские студенты заняты в основном историей философии. Даже в отмеченной тенденции — подчеркивать специфику философской рефлексии — можно видеть законную защитную реакцию: в современном капиталистическом обществе практичный техницизм ставится намного выше философского разума. Еще в 70-е годы правительство Жискар д'Эстена предлагало значительно сократить количество часов на философию в лицеях, сегодня обсуждается сходный проект. Весьма критично настроенные по отношению к преподаваемой в лицеях и университетах философии французские коммунисты, напротив, говорят о необходимости сохранения существующей системы образования. Она обеспечивает высокий уровень философской культуры у широких слоев населения Франции, что сказывается и на художественной литературе, и на изобразительных искусствах или политических дискуссиях.

Наконец, существующая система философского образования способствует поддержанию высокого уровня историко-философских исследований. Понятно, что исследования могут быть сильными и слабыми, актуальными и неактуальными, хорошо или плохо написанными и т. д. Здесь многое зависит уже от способностей, трудолюбия, т. е. личности, самого исследователя. Но требования к магистерским и докторским диссертациям высоки, выпускники философских отделений умеют читать, комментировать, интерпретировать тексты древних и современных авторов. Система образования нацелена на подготовку профессионалов-специалистов, в том числе и историков философии. В свою очередь, высокий уровень историко-философских исследований сказывается на том, каковы лекции и семинары в лицее и университете, а в конечном счете и на положении философии в культурной и политической жизни Франции.